

Вы музыки хотели? Вот вам!

Ян Смирницкий

Одно исполнение Девятой симфонии Густава Малера можно сравнить с постановкой Бондарчуком фильма «Война и мир» или с постройкой Мисом ван дер Роэ небоскреба Сигрэм-билдинг в Чикаго. И нет ничего удивительного в том, что в пятницу, 3 октября, к Большому залу консерватории было устремлено все внимание музыкальной Москвы: оркестр под управлением Марка Горенштейна дал исторический концерт в память о Евгении Светланове.

Густав Малер

Про Девятую симфонию Малера много говорится, но очень нечасто ее можно послушать живьем. Музыка нервов. И чем больше в нее вслушиваешься, тем меньше слышишь собственно музыку.

В таких случаях часто вспоминают обмен мнениями между Малером и Сибелиусом, когда последний с пылом твердил о «строгости и стиле» в создании симфонической музыки, а Малер перебил его как мальчишку, сказав, что симфония должна охватывать собой весь мир. Неудивительно, что в какой-то момент она перестает быть «просто музыкой». Когда волна звука совпадает с волной души, тебе уже все равно, каков источник этого звучания — валторна ли, бас, арфа, — ты видишь, как дышит мир, как дышишь ты сам, открывая для себя вещи, такие простые и ясные, держишься за эту музыку, как за поводыря. А дирижер руководит этим дыханием, не давая ему сбиться, прикончиться...

Нет. Спасибо Горенштейну, что он вообще отважился поставить Девятую в концерт, да еще под вывеской памяти о своем выдающемся предшественнике на посту руководителя Госоркестра. Очевидная смелость. Сколько каменьев былоброшено в ГАСО, начиная от последних лет жизни Светланова, через все двухлетнее правление Синайского и до июля 2002 года, когда Марк Борисович стал главным дирижером оркестра. «Полная девальвация», «целые проплешины вакантных мест», «изничтожающая критика за границей» — вот что говорили о Госоркестре совсем еще недавно. Но один сезон, второй и... Боже мой! На афишах появляются такие имена и такие произведения, которые иной оркестр в сакральном страхе просто побоится играть. Теперь же, когда ГАСО перешел ру-

бех Девятой Малера, о нем можно говорить не только как о состоявшемся и отвечающем всем современным требованиям профессионализма коллективе, но как о ярчайшем явлении искусства, слава тебе господи, дислоцирующемся на территории нашей страны, в Москве, а не в Вене, Токио или Сиэтле.

Еще за минутку до начала действия приятно было изучить расстановку инструментов на сцене. Гонг, две арфы, расширенный состав контрабасов, духовых... Малер изумительный работодатель. Мало того что для исполнения его симфоний нужен наиболее полный состав оркестра (а то еще и хор с солистами), так и каждая музыкальная тема источает такое множество идей — музыкальных, философских, — что Малера многие воспринимают не иначе как Платона от музыки. И помимо пафоса есть очень объективные вещи. Третья и четвертая части Девятой симфонии откровенно беременны шёнбергским трио (Шёнберг, Веберн, Берг), Йозефом Хаузером, Кайджем, американской плеядой времен Сешнса и Грофе. То есть практически самым концом XX века.

Трагическая и глубокая вещь. Сколько критиков и музыковедов, не жалея эпитетов, подробно разбирали каждую из четырех ее частей! Горенштейн смог поставить эту симфонию до невозможности живой и интересной, выявить каждый звук, звук нарочно отточенный, местами резкий, мол, нате, смотрите, пожирайте свою музыку! Вы музыки хотели? Вот вам! И только захлебнувшись в ней окончательно, просто поднимаешь глаза к своду над сценой, туда, где барельеф Рубинштейна, основателя консерватории, и... и ты уже не здесь. Правда колет сердце во второй части. Появляющиеся руины. Дом разрушили, остались камни, и они поют.

Иногда я нагло вглядывался в лицо каждому музыканту. Справа. Скрипач. Или альтист. Ни одно из этих лиц не было отрешенным. Это не напряжение, нет, скорее, искренний испуг от того, куда их самих эта музыка заведет.

Не знаю, остался ли доволен концертом сам маэстро. Уверен, его несколько удивило поведение публики, пытавшейся аплодировать между частями, несмотря на его резкие жесты с просьбой о тишине. Неужели по десятому разу надо втолковывать такую элементарную вещь, что пауза (тишина) является абсолютно самостоятельным музыкальным приемом, задуманным композитором. И если композитор считает, что в этом месте должна быть тишина, публика не имеет права нарушать стройное акустическое пространство своими хлопками или улюлюканьем. Почти сто лет назад Малер написал свою Девятую, но люди никак не научатся ее слушать.